

Администрация Костромской области
Фонд российской государственности и 400-летия династии Романовых
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
Костромское церковно-историческое общество

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЦЕНТР И ПРОВИНЦИЯ
В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Материалы конференции
Кострома, 26–27 марта 2009 года

Кострома
2009

УДК 947я43
ББК 63.3(2)я43
Р 693

Печатается по решению организационного комитета
конференции и редакционно-издательского
совета КГУ им. Н. А. Некрасова

Р е д к о л л е г и я

А. М. Белов, М. Д. Валовая, В. Р. Веселов,
А. Г. Кирпичник, Б. К. Коробов, А. Р. Наумов,
Т. И. Нигметзянов, А. В. Новиков, Н. М. Рассадин

Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции, Кострома, 26–27 марта 2009 года / сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. – 472 с.

ISBN 978-5-7591-1023-1

В сборник вошли материалы вторых Романовских чтений, состоявшихся в Костроме 26–27 марта 2009 г. Научный форум объединил усилия ученых историков, философов, школьных педагогов и служителей Русской православной церкви в исследовании проблем взаимодействия центра и провинции в процессе трансформации российской государственности. Авторами статей освещены различные аспекты социального и духовного служения политических инструментов российскому обществу и участия общественных структур в обеспечении стабильности власти. Значительное внимание уделено особенностям российской цивилизации, которые способствовали преодолению кризисов начала XVII и начала XX вв.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям, студентам, всем, интересующимся историей России.

УДК 947я43
ББК 63.3(2)я43

ISBN 978-5-7591-1023-1

© А. М. Белов, составление, 2009
© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009

РАЗДЕЛ I

---

² Там же. С. 214–225.

³ Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. Спб., 1911. Т. 3. С. 58.

⁴ Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства к 50-летию его существования. Кострома, 1915. С. 6–7.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Кондратьев Н. Д. Развитие хозяйства Кинешемского уезда Костромской губернии. Кинешма, 1915. С. 445.

⁹ Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства к 50-летию его существования. Кострома, 1915. С. 23.

¹⁰ Кондратьев Н. Д. Развитие хозяйства... Указ. соч. С. 228.

¹¹ Свод смет и раскладок Костромского уездного земства с 1866 по 1912 гг. включительно. Кострома, 1913. С. 9–11.

¹² Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. Спб., 1911. Т. 4. С. 441.

Ю. В. Лебедев

*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

СУДЬБЫ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА ЗАКАТЕ ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Незадолго до своей трагической гибели Александр II в разговоре с министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым с величайшим недоумением сказал: «Я никак не ожидал, чтобы в двадцать лет дело освобождения крестьян не могло окончиться, а потому полагаю ныне, что оно должно быть завершено. Изю всего, что помогли мне совершить, крестьянскую реформу я считаю самым важным делом своего царствования»¹.

Удивления достойна эта странная забывчивость российского императора по отношению к коренному населению своей страны. Ведь решил же Александр II крестьянский вопрос в западных губерниях и Белоруссии, где срок обязательного выкупа был твердо установлен и переход на выкуп повсеместно введен с 1 января 1864 года.

Разгадка такой забывчивости довольно проста: Александр II не любил помещиков западного края, поляков по большей части, которые омрачили его реформаторские начинания участием в польском восстании 1863 года. О крестьянстве же коренной России русским дворянам выгодно было помолчать; они постарались, чтобы и при дворе об этом забыли. Началась лихорадочная деятельность по строительству железных дорог, государственные головы занимали нужды фабричной промышленности...

Только после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда затеплилось либеральное оживление, вспомнили, что около семнадцати лет назад был подпи-

сан указ о переходе мужиков на выкуп, и обнаружили, что большинство крестьян жило по-прежнему в дореформенных порядках и в течение всего этого времени по старинке платило барину крепостнический оброк.

Тогда же, в конце 1870-х гг., либеральный профессор Ю.Э. Янсон произвел «опыт исследования о крестьянских наделах и платежах» и пришел к результатам неутешительным: «По всем 12 губерниям нечерноземной великороссийской полосы, за редкими исключениями, не только наделы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля в иных случаях может только прокормить их, не покрывая других потребностей крестьянского хозяйства, в большинстве же и прокормить их не в состоянии. Оно иначе и не может быть. На тощей почве, требующей сильного удобрения, следовательно, достаточного количества лугов и выгонов, душевой надел, для того чтобы обеспечивать продовольствие семьи, и притом, если земля не очень уж плоха, – не может быть, с усадьбой, менее 8 десятин. Средние наделы у бывших государственных крестьян не достигают этой цифры, у бывших помещичьих они наполовину ниже»².

Так были отмечены симптомы надвигавшегося на русскую деревню общественного бедствия. Первое испытание катастрофически обрушилось на наши деревни к концу XIX века. Сельское население 50 губерний Европейской России выросло со времени реформы 1861 года на 79 процентов – с 50 до 86 миллионов человек. Площадь же наделной земли оставалась неизменной. И если в 1860 году средний размер надела на душу мужского пола составлял 4,8 десятины, то к 1900 году он понизился до 2,6 десятины, уменьшившись почти вдвое.

На драматические последствия начавшегося «земельного утеснения» русская литература откликнулась нашумевшим в свое время очерком В. В. Вересаева «Лизар» (1899). Ранней весной, когда «среди ореховых и ольховых кустов все пело, стрекотало, жужжало», а «вдали повсюду звучали девические песни, – была Троица, по деревням водили хороводы», резким диссонансом по отношению к «таинству неудержимо рвущейся вширь жизни» прозвучала мужицкая дума Лизара: «Дай, Господи, скотинку с приплодом, а деток с приморцем. Вот как говорится у нас!»

И доморощенный «Мальтус» развил перед рассказчиком целую философию, оправдывающую пресечение живой жизни. «Выедешь с сохой на нивку, а что орать, не знаешь! Сосед кричит: “Эй, дядя Лизар, мою полоску зацепил!” Повернулся – с другого боку: “Мою-то зачем трогаешь?” Во-от какое стеснение!»³ Пытаясь выйти из такого «стеснения», крестьянская община расширяла пашню внутри скудного надела, который превращался в сплошное пахотное поле. Свертывались, сжимались и почти исчезали сенокосные угодья, жалкие их клочки ютились по оврагам и заболоченным берегам рек. Это привело к сокращению скотоводства, к стремительному падению поголовья лошадей и крупного рогатого скота. Произошло резкое уменьшение органических удобрений, и началось прогрессирующее падение урожайности хлебов. Количество зерна, производимого на душу населения в нечерноземных губерниях, сократилось в 1898 году по сравнению с 1865 годом почти на одну четверть.

Рост населения при неизменной площади наделов породил и другую беду. В условиях малоземелья уравнительная система, принятая в общине, повела к чрезмерному дроблению душевых наделов и образованию обильной череспо-

РАЗДЕЛ I

лосицы Ширина наделных полос измерялась «ступнями» или «лаптями». Такие узкие полосы получили название «шнуров». На них нельзя было применять ни плуг, ни борону, а приходилось вскапывать заступом. Под межниками пропала при этом 1/7 часть полевой земли.

Тупик, в который заходило сельское хозяйство страны, усугублялся нарастающей тяжестью тех повинностей, которые вынуждены были платить крестьяне за наделную землю. При Александре III, спустя 22 года после реформы, 28 декабря 1881 г. вышел, наконец, указ, по которому все крестьяне переводились на выкуп своих наделов с 1 января 1883 г. И тут возникло непредвиденное для властей обстоятельство: «невежественные» мужики идти на выкуп не хотели. Они считали выкупные платежи столь высокими, столь несправедливыми, что свое освобождение видели только в избавлении от них.

Особенно резко введение обязательного выкупа ударило по крестьянству Нечерноземья, так как стоимость выкупного платежа была искусственно завышена и превосходила естественную доходность земли. В ответ на рост недоимок правительство ввело не предусмотренные Положением способы их выколачивания: по приговору волостного суда «за нерадение и мотовство» стали применяться телесные наказания розгами. Становые приставы во время разъездов по деревням прихватывали с собой волостных судей, чтобы на месте пороть недоимщиков. Так из старых барских конюшен порка перекочевала в волостные правления.

К 1894 году недоимки достигли такой баснословной суммы, что правительство вынуждено было перенести их уплату на годы, которые последуют за окончанием срока выкупа. И если при естественном ходе выкупной операции срок последнего взноса для помещичьих крестьян растягивался до 1932 года, то при доплате недоимок последние выкупные платежи приходились на 1950 год.

Первый грозовой симптом возник в 1891 году, когда сплошной неурожаем хлебов и кормовых трав охватил 16 губерний. Последствия оказались драматическими, так как малоземельные крестьяне не только не имели никаких хлебных запасов, но и жили-то по большей части в долг. А далее голодовки в России приняли хронический характер. С 1896 по 1908 годы неурожаем охватывал 1/4 часть Европейской России 7 раз.

Перед этим стихийным бедствием, являвшимся результатом коренного расстройств всего хозяйственного организма деревни, было бессильно и правительство, которое не имело хлебного запаса, ежегодно продавая «излишки» зерна за границу. Складывалась парадоксальная ситуация: голодная Россия кормила сытую Западную Европу. Об этом молчала официальная пресса, но протестовала немая статистика. В начале XX века в США на душу населения потреблялось 62 пуда хлеба в год, в Дании – 57, в России же весь сбор из расчета на душу составлял 22,4 пуда, а на внутреннее потребление оставалось всего 16 пудов.

Рост госбюджета России тех лет происходил не на почве сопутствующего ему роста народного благосостояния, а на почве неуклонного крестьянского оскудения. Появились симптомы физического вырождения народа. С 1874 по 1883 годы на 100 призывников приходилось 13 забракованных, с 1884 по 1901 – уже 19. Смертность в России настолько подскочила, что стала в 1,5 – 2 раза выше, чем в большинстве европейских стран⁴.

Судьбы русского крестьянства на закате правления династии Романовых

Поражение России в войне с Японией обострило крестьянское недовольство и привело к первой буржуазно-демократической революции 1905–1906 годов. Крестьянское движение на этот раз приняло еще более угрожающий и массовый характер. Около 900 выступлений крестьян произошло летом 1905 года. В августе оформился Всероссийский крестьянский союз, потребовавший перехода земли в общенародную собственность.

Размах крестьянского движения на первых порах вызвал панику при дворе. Часть помещиков и правящей бюрократии во избежание насильственного захвата земли крестьянами готова была уступить народным требованиям. Дворцовый комендант Д.Ф. Трепов заявлял министру внутренних дел Витте, что он готов отдать крестьянам половину своей земли, лишь бы сохранить за собой остальную. А генерал Ф.В. Дубасов предлагал оставить за мужиками захваченные ими в ходе революционных выступлений земли.

Николай II находился в замешательстве. Пытаясь подавить волнения, он приказал 1 ноября 1905 года мобилизовать 10 полков казачества и направить в места наибольшего распространения крестьянских волнений. Но царь пошел и на значительные уступки. Указом 3 ноября 1905 года с 1 января 1906 года выкупные платежи понижались наполовину, а с 1 января 1907 года отменялись совсем. Это была серьезная победа, завоеванная крестьянством, но центральный вопрос о земле по-прежнему оставался открытым и крестьянское движение не утихло.

В конце ноября Совет министров обсуждал проект реформы, разработанной комиссией под председательством Н.Н. Кутлера. Предлагалось отчуждение части помещичьих земель за «справедливое вознаграждение». Но поддержки в бюрократических кругах проект не получил. 6 января 1906 года правительство мотивировало отказ от проекта Кутлера тем, что передача помещичьей земли крестьянам приведет к падению культуры земледелия, а в современной накаленной атмосфере может спровоцировать попытку крестьян захватить всю помещичью землю даром.

24 января 1906 года правительство вновь вернулось к рассмотрению крестьянского вопроса в Совете министров. Нужно было готовить законопроект о крестьянах для обсуждения в Думе. Предлагалось уравнение крестьян с другими сословиями в имущественных правах и гражданских законах, намечалась индивидуализация наделного землевладения с переходом от семейной к личной собственности. Целью подобной реформы было окончательное разрушение крестьянской общины.

26 апреля 1906 года, после отставки Витте и назначения главою правительства И.Л. Горемыкина, Николай II приглашает на пост министра внутренних дел саратовского губернатора П.А. Столыпина, жестоко и успешно подавившего крестьянское движение в своей губернии. Первая Государственная дума решительно отвергла предложенный правительством проект реформы. После требования депутатов заменить правительство Горемыкина правительством, пользующимся доверием Думы, 8 июля 1906 года был принудительно распущен первый российский «парламент», а Столыпину вверен ключевой пост председателя Совета министров.

РАЗДЕЛ I

Далее 5 октября 1906 года появляется указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний». По сути он направлен на раскрепощение крестьян от пут фискальной общины. По указу запрещалось отдавать неисправных плательщиков податей и налогов в заработки или назначать им опекунов. Снимались все ограничения в получении паспортов и видов на жительство. Взрослые члены семьи могли теперь уходить в город на заработки без согласия домохозяина и земского начальника. Желающие учиться или служить получали такое право без увольнительного приговора, а на время службы или учебы освобождались от повинностей. Снимались все ограничения семейных разделов. Земские начальники не могли свободно арестовывать и штрафовать крестьян. Указ отменял, таким образом, принудительную приписку крестьян к сельскому обществу.

Но вслед за ним был издан другой указ – от 9 ноября 1906 года, который, по словам народного социалиста А. Пешехонова, «всадил нож в самую глубь народного организма». Борьба за землю теперь переносилась внутрь деревенской общины и крестьянского двора. В основе указа лежала административная ликвидация общинной собственности на землю и перевод крестьян-единоличников на отруба или хутора.

Попытка Столыпина провести этот указ через II Государственную думу потерпела полный провал. Пришлось наскоро сфабриковать обвинение социал-демократической фракции Думы в военном заговоре против правительства. В ночь на 3 июня 1907 года социал-демократическая фракция была арестована, Дума распущена и подготовлен новый избирательный закон.

В итоге «третьеиюньского переворота» Столыпину удалось создать III Государственную думу, в которой большинство депутатских мест заняли представители помещиков и крупной буржуазии. Здесь-то Столыпин и провел наконец свой законопроект аграрной реформы, которая оценивается как спасение крестьянской России современными нашими либералами.

Не церемонясь с крестьянскими интересами, Столыпин поднял руку на коренной институт общинной собственности, которую он считал главным злом современной деревни. Как объяснить, что правительство, в течение полувека отстаивавшее незыблемость и святость этого института, вдруг решило уничтожить его единым росчерком бюрократического пера? Дело заключалось в том, что в ходе революции 1905 года правительство увидело в общине не консервативный оплот, а очаг революции. Ведь почти все революционные требования крестьян провозглашались от лица «мира». «Мир» предъявлял помещикам приказ покинуть земли и передать их крестьянам, по приговору «мира» разбирали хлеб из помещичьих амбаров или самовольно распахивали помещичьи поля.

В основе столыпинских посягательств на общинную жизнь деревни лежала парадоксальная версия реформатора, что община как таковая давно умерла. В качестве доказательства Столыпин указывал на множество сельских обществ центральной России, в которых 24 года не было общих переделов. Считая такие общины умершими, он предлагал передать в личное владение крестьянам те наделы, которыми они пользовались в момент введения в жизнь указа 9 ноября.

Подобное решение – образец бездумно-бюрократического вторжения в налаженный веками строй крестьянской жизни. Ведь всякому человеку, мало-мальски знакомому с жизнью общины, было известно, что общие переделы в ней – дело редкое, обычно совпадающее с очередной государственной переписью населения. А в 15–20-летние промежутки между переписями естественным регулятором правовой жизни в общине являлись ежегодные частные переделы, обеспечивавшие живое функционирование общинного организма.

В чем заключалась хозяйственно-экономическая дезорганизация, внесенная в народную жизнь столыпинским указом 9 ноября 1906 года?

Во-первых, указ закрепил в личную собственность полосы внутри общинной земли. И эти мелкие десятки, сотни полос, как метастазы, начинали пронизывать общинные земли в разных направлениях. Провозглашенное в указе право выдела земли к одному месту чаще всего оставалось на бумаге, ибо на практике, особенно на разнокачественных участках Нечерноземья, этот выдел был сильно затруднен. А так как за общинниками указ все же сохранял право старого способа ведения хозяйства, деревенские пахотные земли оказались в чрезвычайно запутанном состоянии. На деле группа частных собственников вторгалась в живой организм общинных полей. Неподвижные ремни полос единоличников парализовали отлаженный механизм переверстки («свалки-навалки») общинных полос. Сколько ссор в миру это породило, какую вражду между общинниками и собственниками!

Во-вторых, указ бесцеремонно нарушал все правовые основы в определении объема выделяемой в личную собственность земли для каждого домохозяина, выходящего из общины. Попытаемся разобраться – почему?

Исторически на Руси считалось, что землей распоряжается общество. Оно раскладывало подати на мирском сходе, несло натуральные повинности, разрешало семейные разделы. По законам обычного права, общество наделяло новые семьи усадебной и полевой землей, определяло рабочую силу семей, их способность обрабатывать земельный надел того или иного размера, который периодически изменяется по мере изменения рабочей силы крестьянского двора.

Представим себе, что в селении С. один из хозяев 20 лет обрабатывал с семьей 10 десятин земли и исправно вносил за эту землю выкупные платежи и прочие повинности. Но в последние четыре года рабочие силы его семьи ослабели, и при частном переделе он получил 2 десятины. Их-то и закрепляет за ним в личное пользование указ 9 ноября. Почему? По какому праву? Ведь за все 24 года внесенных им выкупных платежей он может претендовать хотя бы на 8 десятин действительно выкупленной им земли! Однако по указу он такого права лишен.

Другой факт. Семья несла тяжесть большого надела в течение 23 лет. Но в последний год болезни домочадцев заставили ее отказаться на время от этого надела и свести до минимума полевую землю. Временно освободившаяся земля перешла к соседу, который за нее в течение этих 23 лет не внес ни копейки. И в этот момент выходит указ, заведомо обрекающий первую семью на ничем не заслуженное нищенство, а вторую – одаривающий ничем не оправданной милостью. Как посмотрит первый домохозяин на этот абсурдный «закон» и как он отнесется к соседу, если тот рискнет забрать в вечное пользование землю, выкупленную за чужой счет?

РАЗДЕЛ I

Неспроста крестьяне давали выборным в Думу такие наказания: «Скажи ты в Государственной думе, что так больше нельзя жить, что этот закон восстанавливает нас друг против друга»⁵. Возникало недоумение. Если правительство провозглашает принцип неприкосновенности и священности собственности, то как же оно может заставить общину отдать каждому ее члену то количество земли, каким он в данный момент пользуется? Да, может, он получил ее всего лишь год назад как пришелец, севший на готовую землю! Какое право имеет правительство в нарушение законов божеских и человеческих облагодетельствовать его как владельца? И почему с надлежащим уважением правительство не относится к подлинному собственнику всей деревенской земли – к общине, ибо она и только она является, по исторически сложившимся обстоятельствам, единственным юридическим лицом – собственником земли?

В-третьих, столь же бесцеремонно расправился Столыпин и с институтом крестьянской семейной собственности, имевшим вековые корни в устоях семейного быта русского народа. Крестьяне искони были убеждены, что земля и имущество принадлежат всей семье, а не отдельным лицам в ней. Субъектом права здесь оказывался не домохозяин, а все семейство, крестьянский двор. Столыпин приказал выделять и укреплять землю в личную собственность не семьи, а отдельных домохозяев. С уничтожением права семейной собственности в безвыходное положение попадали, например, все сыновья, живущие нераздельно с отцом-домохозяином: они лишались юридического права наследования, а вместе с тем и той личной энергии, которую они до сих пор вкладывали в семейную работу. Новый закон породил страшную сумятицу в отношениях между домочадцами. Например, в 1861 году крестьянин получил надел. Шло время, и у него родилось 5 детей. И вот вчера крестьянин умер. Кого следует признать старшим в семье? Если старшего брата, то как быть с остальными братьями? Или другой вариант: нерадивый домохозяин, хозяйство которого до сих пор держалось на трудолюбивых сыновьях, трезвых и работающих, закрепляет надел в личную собственность и наутро продает его. Куда деваться труженикам этой земли?

Вот почему, по единодушным словам делегатов от крестьянства в Государственной думе, указом 9 ноября 1906 года крестьянство «натравлено друг на друга: бедные поджигают богатых, получается полное расстройство в хозяйстве деревни, и никто не знает, как быть дальше, как пойдет сельская жизнь»⁶. На деле, по словам тех же делегатов, вместо соблюдения священного права собственности, правительство учинило «настоящий грабеж общинной земли». Оно обратилось к людям «смелого почина» из среды крестьянства и сказала: «Грабьте... только не помещиков, а своих же общинников. Более того, грабьте и родственников и даже детей, но не грабьте только помещиков»⁷.

Началось совершенно бесцеремонное насилие над деревенской жизнью. Выдел во многих местах осуществлялся принудительно. Сельские общества с ним не соглашались и оказывали сопротивление. Волей-неволей приходилось выделять и укреплять в личную собственность только отдельных домохозяев, да и то с применением административной власти в лице земских начальников. Как показывает статистика, выделялись и укреплялись вопреки воле обществ 95 процентов крестьян в Тамбовской губернии, 84 – в Рязанской, 71 – в Тульской, 98 –

Судьбы русского крестьянства на закате правления династии Романовых

в Орловской. На местах возникали столкновения крестьян с администрацией, ссоры внутри крестьянских обществ.

Обращаясь к П. А. Столыпину с письмом, Л. Н. Толстой писал: «Ведь то, что делается теперь с этим нелепым законом 9 ноября, имеющим целью оправдание земельной собственности и не имеющим за себя никакого разумного довода, как только то, что это самое существует в Европе (пора бы нам уж думать своим умом) – ведь то, что делается теперь с законом 9 ноября, подобно мерам, которые бы принимались правительством в 50-х годах не для уничтожения крепостного права, а для утверждения его»⁸.

В речах думских делегатов от трудовой партии неспроста звучала угроза по отношению к правительству: «Вы вместо комитетов на местах, вместо того, чтобы опросить на местах у крестьян, как они думают об общине, какой вред от общины, какая польза, послали стражников; вы облекли властью генерал-губернаторов, которые занимались и занимаются расстрелами в деревнях... Но как вы ни старайтесь, жизни вы своими бумажными законами не переломаете, жизнь крепче вас, тем более, что вы всплыли на поверхности этой жизни временно, и недолго вы на поверхности этой пробудете; жизнь возьмет свое. Вас она устранил...»⁹.

Слова думских депутатов от крестьянской партии оказались пророческими: столыпинская аграрная реформа действительно встретила массовое сопротивление крестьян и захлебнулась в море народной жизни. Вызванный реформой разлад выплеснулся в 1917 году очередной волной народного возмущения, завершившейся ленинским декретом о земле, провозгласившим отчуждение всех частновладельческих земель и безвозмездную передачу их трудовым крестьянским общинам. Как это ни парадоксально, община после 1906 года не только не разрушилась полностью, но существенно укрепилась благодаря пошедшему ей навстречу мощному, не сопоставимому по своим масштабам ни с одной страной мира кооперативному движению.

И здесь надо прямо сказать, что спасла Россию от голода не столыпинская аграрная реформа, а те культурно-созидательные силы, которые принесло в деревню кооперативное движение, возникшее в какой-то мере как защитная реакция живого организма русской деревни на бюрократическое вмешательство в нее государственных чиновников. Не случайно первая волна кооперации поднимается в России после 1906 года, после пресловутого указа 9 ноября. Этот указ по-своему всколыхнул деревню: значительная ее часть двинулась в кооперацию.

Уже в 1908 году делегаты III Думы, отстаивавшие демократические интересы крестьянских масс, указывали на новые формы общинной жизни, рождавшиеся, например, в Пермской и Вятской губерниях. В крестьянских общинах здесь стали появляться сельскохозяйственные машины, применялись искусственные удобрения. Трехпольный севооборот стал уступать место многопольному. Вводилось травосеяние, причем в таких широких размерах, что продукты его вывозились в соседние губернии. Принудительный севооборот стал уходить в область преданий и с появлением корнеплодных растений¹⁰.

Община не только не умирала, но продолжала развиваться далее, превращалась из союза, закрепощающего человека, в свободный союз равноправных личностей. Благодаря трудам русских кооператоров была доказана совместимость

РАЗДЕЛ I

технических улучшений сельского хозяйства с общинным землевладением. Давний спор к 1912–1915 годам разрешила сама жизнь. Выяснилось, например, что мирское устройство помогает приобретению лучших семян, что целой общиной гораздо легче купить сеялку или сортировку. А поскольку химические удобрения приносят немедленный результат, в первый же посев, мирские переделы не представляют для них уже никакой помехи.

Община в эти годы взяла под свой контроль и органические удобрения: воспрещалось продавать навоз на сторону, был установлен общественный контроль за повсеместностью и правильностью внесения удобрений в почву. Отменялась переверстка недавно удобренной земли, а в некоторых случаях общинники давали вознаграждение тем крестьянам, кто терпел убытки от передела или переверстки. Оказалось, что в общине быстрее и легче усваиваются и внедряются всякого рода нововведения: достаточно только большинству сделать их, как тотчас же вслед за ними тянется и меньшинство.

Наконец, с отменой жестокого паспортного режима и принудительного прикрепления крестьянина к земле, с ликвидацией разорительных выкупных платежей отпал традиционный у противников общины аргумент, что в ней подавляется личность, что член общины лишается всякой инициативы, всякой свободы. Теперь, при послаблении внешних стеснений, надельное землепользование давало полный простор личности крестьянина проявлять свою трудовую инициативу, свою самостоятельность, свои знания.

Известную положительную роль в подъеме земледельческой культуры крестьянских хозяйств сыграли в конце XIX – начале XX веков земские учреждения, значительно демократизировавшиеся за счет так называемого «третьего элемента», штата служащих при земствах учителей, врачей, агрономов¹¹. В послереволюционные годы при земских учреждениях укрепляются агрономические организации: экономические советы при уездных и губернских земских управах, исполнительные их органы в лице уездных и губернских агрономов. Разумеется, это движение было еще весьма непрочным, не хватало квалифицированных кадров. Один агроном на уезд не мог активно влиять на повышение агрономической культуры всех крестьянских дворов. Жизнь ставила земцев перед необходимостью организации института волостных агрономов. Их прогрессивная деятельность очень часто наталкивалась на косность основного ядра земской организации – крупных помещиков, равнодушно относившихся к интересам крестьянских хозяйств.

И тем не менее большую долю практической помощи деревне земская интеллигенция оказывала вопреки равнодушию господ. Широко развернулось земское строительство сельскохозяйственных складов орудий и семян. Они давали возможность крестьянину получать в кредит сельскохозяйственные машины и снабжать общины сортовыми семенами. Подъем сельскохозяйственной культуры был неотделим, с другой стороны, от повышения грамотности крестьянского сословия. И на этом пути успехи были. Около половины крестьян, поступавших в военную службу из земских губерний, не умели читать и писать. Однако в тех губерниях, где в земстве оказывался достаточно сильным демократический «третий элемент», достигались ощутимые результаты. Так, в Московской, Ярославской, Тверской губерниях грамотным было 9/10 всего взрослого населения, а пятая часть

крестьян, поступивших на военную службу, имела свидетельства об окончании полного курса земских школ.

Общинное владение землей и артельные формы организации труда, искони свойственные русскому крестьянину, во многом способствовали успешному переходу населения нечерноземного края к более совершенным культурным формам обобществления труда и сбыта – к кооперации. В конце XIX – начале XX. веков широкое распространение получили трудовые артели крестьян, занимавшихся кустарными промыслами, промысловые товарищества по сбыту молока и молочных продуктов. Возникали и множились товарищества по приобретению сельскохозяйственных орудий, по строительству и эксплуатации кооперативных мельниц и картофелепаточных заводов. Создавались сырьевые товарищества смолокуров, гончаров, ткачей и кузнецов.

Кооперативное движение в стране опиралось на неонародническое учение о борьбе двух экономических типов в русском народном хозяйстве: капиталистического и социалистического. Развивалась мысль о способности сельской общины вкуче с артелью и кустарными промыслами привести страну к процветанию и к созданию при поддержке государства нового общественного строя – народнического государственного социализма. А.А. Николаев, Е.Д. Максимов, В.Е. Зюрюкин мечтали о мирном переходе страны от капитализма к социализму при сохранении основ монархической государственности. Огромную роль в консолидации сил теоретиков и практиков «кооперативного социализма» сыграли Всероссийские съезды кооператоров в Москве (1908) и в Киеве (1913). Однако начавшаяся в 1914 г. первая мировая война разрушила все планы и все успешные начинания русских кооператоров.

Примечания

¹ См.: Кн. Д. И. Шаховской. Выкупные платежи // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 6. М., 1911. С. 109–110.

² См.: Янсон Э. Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Спб., 1881.

³ Деревенские летописи. Повести и рассказы русских писателей конца XIX – начала XX вв. М., 1990. С. 148–154.

⁴ Дроздов В. Экономическое положение пореформенного крестьянства // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., 1911. С. 372–373.

⁵ Речь крестьянина Вятской губернии *Кроптова* // Стенографические отчеты Государственной думы. 3-й созыв, сессия 2, часть 1. Спб., 1908. – Стб. 206.

⁶ Выступление депутата *Березовского* от Симбирской губернии // Стенографические отчеты Государственной думы. 3-й созыв, сессия 2, часть 1. Спб., 1908. Стб. 395.

⁷ Выступление депутата *Петрова* из Пермской губернии // Стенографические отчеты Государственной думы. 3-й созыв, сессия 2, часть 1. Спб., 1908. Стб. 525–526.

⁸ Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 19–20. М., 1984. С. 674.

⁹ Из речи депутата *Булата* от Сувалкской губернии // Стенографические отчеты Государственной думы. 3-й созыв, сессия 2, часть 1. Спб., 1908. Стб. 605.

¹⁰ См. выступление депутата от Пермской губернии, священника *Титова* // Стенографические отчеты Государственной Думы. 3-й созыв, сессия 2, часть 1. Спб., 1908. Стб. 604–608.

¹¹ См.: Белоконский И. П. Земство и конституция. М., 1910; Слобожанин М. Из истории и опыта земских учреждений в России. Спб., 1913.